

Е.В. Алымова

Аристотель и проблема единства метафизического и этического дискурсов

Алымова Елена Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии. Институт философии СПбГУ. Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; e-mail: ealymova@yandex.ru

Данный текст является отзывом на доклад А.А. Санженакова, который предлагает переосмыслить отношения между аристотелевской этикой (практикой) и первой философией (теорией) и тем самым поставить под вопрос сложившуюся в традиции и жестко проводимую классификацию между науками теоретическими и практическими. Автор этого текста принимает позицию автора, а именно: этику Аристотеля (его практическую философию) нельзя рассматривать в отрыве от его первой философии. Такая точка зрения имеет серьезные основания, так как этика занимается поступком в аспекте его цели, что отсылает нас к телеологии Аристотеля с ее вопросами о цели, сущности, природе, сути бытия, а поступок, в свою очередь, предполагает деятеля, то есть человека, что отсылает к единству природы человека и проблемам, связанным с проявлением этой природы и их описаниями. Два подхода, обозначенные и обсуждаемые докладчиком, а именно *эссенциальный* и *энергийный*, при ближайшем рассмотрении не представляются основывающимися на разных принципах. Разделяя общую установку автора, мы не соглашаемся с различием *эссенциального* и *энергийного* подходов.

Ключевые слова: Аристотель, первая философия, практическая наука, начала, этика, телеология

Традиционная классификация наук по Аристотелю, каждая из которых должна иметь/имеет свой предмет и метод, заставляет определить аристотелевскую этику в разряд наук практических, отличив ее от теоретических (первой философии, иначе – метафизики, и физики), с одной стороны, и от наук поэтических – с другой. У нас давно возникло подозрение, что эту классификацию не стоит принимать слишком близко к сердцу и уму. А. Санженакоев предложил рассмотреть «проблему выявления метафизических оснований аристотелевской этики». Однако в своем рассуждении он показал, что «проблемы» тут никакой нет – этика Аристотеля вполне может быть рассмотрена в свете его первой философии. Надо сказать, что мне близок данный тезис. Именно в этом ключе я представила тему мужества у Аристотеля в докладе в рамках Международного семинара «*Никомахова этика* в истории европейской мысли»¹ и в

¹ Международный семинар «Никомахова этика в истории европейской мысли». Санкт-Петербург. 18–19 ноября 2016 г.

статье, опубликованной по мотивам этого доклада². Если этика – практическая наука (и здесь акцент на слове *наука*), то как таковая она должна базироваться на определенных началах. Прояснение таких начал – важнейшее дело. Однако актуальность предложенного исследования продиктована озабоченностью «деаксиологизацией дискурса», которая наблюдается в современной философии, и «элиминированием нравственной проблематики из теоретических изысканий, касающихся человеческой практики». «Сегодня перед философией в целом, – утверждает автор доклада, – и перед этикой в особенности стоит серьезная задача: решить, каким образом моральная составляющая практического разума может быть актуализирована в условиях современного дискурса. Для этого потребуются... указать, как метафизика (или то, что играет ее роль в современных условиях) может стать основой моральной философии»³.

Обращение за помощью к Аристотелю в связи с таким образом артикулированной озабоченностью мне представляется весьма проблематичным. Во-первых, у аристотелевского *νοῦς πρακτικός* нет «моральной составляющей», а во-вторых, возникает вопрос: что же играет/может играть роль метафизики (в собственном, или аристотелевском, смысле этого слова – как первой философии, занимающейся началами сущего, а не сущим – *sic!*) «в современных условиях»? А вопрос, «почему Аристотель мог позволить себе использование эпистемического понятия (*sc.* истины. – *Е.А.*) в непривычном контексте практического разума, а современные философы не могут», по-моему, имеет естественный ответ: изменились философские основания, истина (она, конечно же, исторична) понимается иначе. Этика Аристотеля не имеет дело с нравственной проблематикой, да и с моральным субъектом Стагирит едва ли знаком. Оговорюсь: дело не в том, что мы просто говорим на другом языке, а в том, что, говоря на другом языке, мы говорим другое.

Я соглашаюсь с тем, что «в философских системах прошлого метафизика выступала единым фундаментом как для теории познания, так и для этики»⁴, правда, хотелось бы уточнить, о каком прошлом идет речь. Платон? Фома Аквинский? Декарт? Кант?

Вообще-то, обращение к истории мне как раз очень близко, особенно если ее конфигурация основана на текстах и контекстах.

Итак, мы находимся в поле этического, или практического, дискурса. А. Санженаров напоминает о «различии эпистемического и практического поисков по их *предмету, методу и цели*: первый имеет своим предметом сущее (правда, первая философия не занимается сущим – она занимается сущим с точки зрения *сущности*, а это не одно и то же, см.: *Met. Z 1028b3–7.* – *Е.А.*), начала которого не могут быть иными, методом – эпистемический силлогизм (правда, силлогизм не приводит к познанию начал, см.: *An. Post. 100b5–17.* – *Е.А.*), а целью – *эпистему*; второй в качестве предмета имеет сущее, начала которого могут быть иными, метода – практический силлогизм, и цели – *поступок*»⁵. И вот здесь я должна отметить: «практический поиск» в качестве цели должен иметь не *просто* поступок, а поступок в аспекте цели. Такой

² Алымова Е.В. Тема мужества в этике Аристотеля // *Verbum*. 2017. Вып. 19. С. 65–77.

³ Санженаров А.А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // *Наст. изд.* С. 67–68.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Там же. С. 68.

вывод следует из контекстуального чтения этических сочинений Аристотеля: так, EN 1095a5–16 я предлагаю читать в общем контексте не только всей «Никомаховой этики», но и, скажем, помнить пассаж из «Евдемовой этики» – EE 1218b1–27. Таким образом, мы так или иначе оказываемся в контексте аристотелевской телеологии, которая, в свою очередь, формальна, то есть речь идет о цели как совершенстве природы (того или иного сущего). Если в практическом дискурсе основной агент – человек, значит, речь должна идти о природе (точнее – естестве) человека. Вопрос о естестве (природе) ведет нас к вопросу о сущности человека (а по сути им и является). Так поставленный вопрос является метафизическим отчасти: первая философия (метафизика) не занимается человеком, но занимается началами сущего как сущего, зато человеком занимается вторая философия – физика (будучи наукой, она имеет метафизические основания) – как одушевленным (оформленным) телом, имеющим начало движения в себе самом.

Судя по всему, мой подход стоит определить как «унитарный». А. Санженанов, кажется, тоже склоняется именно к нему, но доводы в пользу сторонников «унитарного подхода» не являются доводами, явно артикулированными, хотя мне хотелось бы видеть их именно такими, вместо этого предложены «три возможных варианта взаимоотношений: 1) метафизика является базой для этики; 2) этика выступает основанием метафизики; 3) обе дисциплины взаимообусловлены», рассматривается первый – метафизика как база для этики.

Рассмотрение развернуто в перспективе двух подходов – *эссенциального и энергийного*, изложены позиции представителей того и другого подхода. Первые «расценивают этику Аристотеля как некоторое продолжение к его онтологии. Другими словами, практическая область, где человек ставит цели и достигает желаемого, переживает те или иные страсти, вступает в разного рода отношения с другими людьми – вся эта область призвана быть набором условий, благодаря которым или вопреки которым человек реализует свое видовое различие и тем самым актуализирует свою сущность»⁶, вторые исходят в первую очередь не из понятия сущности, но из ключевого для Аристотеля понятия *ἐνέργεια*. В приведенной цитате улавливается упрек в адрес эссенциалистов, подход которых превращает все обстоятельства человеческого существования в нечто второстепенное по отношению к сущности. Замечу, что целеполагание и достижение цели, отношения между людьми относятся к области практического, а значит – к этике и политике, а вот страстями и чувствами аристотелевская этика не занимается, поэтому в этом отношении эссенциалистский подход никак не может обеднить этический дискурс. Мне кажется, что сам Аристотель не дает повода для противопоставления этих двух подходов (вообще их обособления).

А. Санженанов склоняется к энергийному подходу на том основании, что «*energeia* позволяет не только высветить в этике онтологический аспект, но и задать особое нормативное измерение в этике Аристотеля, что не удастся сделать через понятие “сущность”»⁷. Я совершенно согласна с первой частью тезиса и не могу согласиться со второй. Сущность человека, как это следует из анализа позиции эссенциалистов, дает о себе знать в «актуализации разумной

⁶ Санженанов А.А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // Наст. изд. С. 71.

⁷ Там же. С. 75.

части души», «актуализация этих частей приводит к развитию двух разных добродетелей – мудрости (*sophia*) и рассудительности (*phronesis*)». Вопрос о том, что именно в таком случае следует считать приоритетным – рассудительность или созерцательную способность, – я бы не ставила (или не учитывала бы это разделение, как Теренс Ирвин). Почему? Потому что, как мне представляется, для Аристотеля, как и для Платона, они взаимосвязаны⁸.

В каких бы контекстах Аристотель ни употреблял это образованное им самим слово ἐνέρχεται, он везде употребляет его, следуя этимологии – ἐν-ἔρχομαι – быть-в-действии. И всякое сущее *действует* сообразно своему естеству (φύσις), другими словами – сущности. Собственно, в самом понятии φύσις мыслится быть-в-действии (греческие существительные на – σις суть *nomina actionis*). В плане этики (а также политики) тем сущим, которое действует, является человек. Стало быть, возникает вопрос о его естестве. Аристотель нигде не дает единственного и универсального определения человека. Значит ли это, что такового нет? Не значит. Аристотель описывает человеческую природу в разных дискурсивных контекстах, проливая свет на разные ее аспекты: в «Метафизике» – стремление знать, в трактате «О душе» человек представлен как одушевленное тело, в «Политике» – как имущее логос полисное существо, в «Никомаховой этике» – как существо, стремящееся к счастью. Все это суть проявления одной и той же природы, которая актуализирует себя в бытии-в-действии. В обсуждаемой связи человек действует, то есть совершает поступок не ради него самого (не для того, чтобы *быть поступающим*), а ради достижения счастья, причем соответствующего его естеству. В связи с этим я не вижу оснований для упреков в адрес так называемых эссенциалистов. Конечно, присущая человеку деятельность основана на логосе, а естественным для реализации человеческой природы топосом является полис.

В заключение сошлюсь на экспликацию той же проблематики и в том же ключе – замыслу истолковать аристотелевскую этику на фоне его онтологии, предложенную А.Г. Черняковым в монографии «Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера»⁹.

Список литературы

- Алымова Е.В. Тема мужества в этике Аристотеля // Verbum. 2017. Вып. 19. С. 65–77.
 Алымова Е., Караваева С. Лекция Платона «О благе» в свете его писаного учения // Платоновские исследования. V (2016 / 2). С. 24–45.
 Санжениаков А.А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // Этич. мысль / Ethical Thought. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–77.
 Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб.: Высш. религиозно-филос. шк., 2001. 460 с.
 Aristotelis Ethica Nicomachea / Recognovit brevique adnotatione critica instruxit I. Bywater. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1894. 264 p.
 Aristotelis Ethica Eudemia / Recensuerunt brevique adnotatione critica instruxerunt R.R. Walzer and J.M. Mingay. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1991. 162 p.

⁸ Алымова Е., Караваева С. Лекция Платона «О благе» в свете его писаного учения // Платоновские исследования. V (2016 / 2). С. 24–45.

⁹ См.: Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 234–250.

Aristotelis *Metaphysica* / *Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* W. Jaeger. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1957. 312 p.

Aristotelis *Analytica Posteriora* // *Aristotelis Analytica Priora et Posteriora* / *Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* W.D. Ross; praefatione et appendice auxit L. Minio-Paluello. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1964. 210 p.

Aristotle and the Problem of Coherence of the Metaphysical and Ethical Discourses

Elena V. Alymova

Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University. Mendeleevskaya liniya, 5, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: ealymova@yandex.ru

The paper is a contribution to a discussion on a report of Alexander Sanzhenakov who proposes an original interpretation of relations between Aristotle's ethics (praxis) and his metaphysics (theory). Hereby the rigid traditional distinction of the theoretical and practical disciplines of Aristotle's philosophy is being challenged. The interpretation presented by Alexander Sanzhenakov, that is the consideration of the ethics (as well as the other practical sciences) of Aristotle should not be detached from the context of his metaphysics, is accepted in general terms in the following paper. This point of view being not very popular deserves attention because it seems consistent with the principal theses of Aristotle's philosophy and can hold ground: the subject of ethics is human praxis and act in function of the final end (telos) which directs us to Aristotle's teleology with its questions about the end (finality), the essence, the nature, the being, whereas the praxis and act presuppose an acting human being that is makes it necessary to take into consideration the identity of the human nature and the problems of its actualization and its description. Alexander Sanzhenakov distinguishes two approaches which he calls *essentialist* and *energetic*. These approaches being scrutinized do not seem to have different foundations. Supporting the main objective of the author of the report submitted to discussion we cannot agree with this distinction. Some argument is being put forward.

Keywords: Aristotle, praxis, metaphysics, the principles, ethics, teleology

References

Alymova, E.V. "Tema muzhestva v etike Aristotelya" [The Idea of Courage in Aristotle's Ethics], *Verbum*, 2017, Issue 19, pp. 65–77. (In Russian)

Alymova, E., Karavaeva, S. "Lektsiya Platona 'O blage' v svete ego pisanogo ucheniya" [Plato's Lecture 'On the Good' in the Light of His Written Teaching], *Platonovskie issledovaniya*, V (2016 / 2), pp. 24–45. (In Russian)

Aristotelis *Ethica Nicomachea* / *Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* I. Bywater. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1894. 264 pp.

Aristotelis *Ethica Eudemia* / *Recensuerunt brevique adnotatione critica instruxerunt* R.R. Walzer and J.M. Mingay. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1991. 162 pp.

Aristotelis *Metaphysica* / *Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* W. Jaeger. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1957. 312 pp.

Aristotelis *Analytica Posteriora* // *Aristotelis Analytica Priora et Posteriora* / *Recognovit brevique adnotatione critica instruxit* W.D. Ross; praefatione et appendice auxit L. Minio-Paluello. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1964. 210 pp.

Chernyakov, A.G. *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya, Khaideggera* [Ontology of Time: Being and Time in the Philosophy of Aristotle, Husserl, and Heidegger]. Saint-Peterbourg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 2001, 460 pp. (In Russian)

Sanzhenakov, A.A. “Metafizika Aristotelya kak osnova ego etiki” [Aristotle’s Metaphysics as Basis of his Ethics], *Eticheskaya mysl’ / Ethical Thought*, 2018, Vol. 18, No. 1, pp. 66–77. (In Russian)